

— Надо же, — Хуа Ханьчжан с улыбкой посмотрел на «свежевыстиранного» Цзунъюя. — Какой красавец. Самый настоящий породистый рэгдолл.

Хуа Ханьчжан принялся помогать коту, бережно расправляя его влажную шерсть у костра. Цзунъюй заметно робел перед пляшущими языками пламени — сказывался первобытный страх любого зверя. А вот Хэ Жуна огонь ничуть не пугал. Возможно, дело было в его ледяной духовной силе, а возможно — в густом, плотном мехе, который и без всякого костра отлично удерживал тепло.

Как только шерсть Цзунъюя подсохла, Хэ Жун бесшумно подобрался ближе и разлёгся бок о бок с ним. Кот всё ещё немного побаивался грозного сородича, но, почуввав исходящее от него живое тепло, невольно прильнул к густому чёрному меху, ища защиты. Навалившаяся усталость взяла своё: вскоре Цзунъюй сладко зажмурился и тихонько замурчал.

Хэ Жун уткнулся носом в его бок, шумно втянул воздух и удовлетворённо лизнул шершавым алым языком свои клыки. После этого он прищурился, зорко следя за каждым шорохом в ночном лесу.

Заметив это, Хуа Ханьчжан с мысленным вздохом отступился — потискать очаровательного кота больше не получится. Он подошёл к Цзян Жоюю, взял из его рук пиалу с горячей похлёбкой и сделал глоток. Хоть они и ночевали под открытым небом, Е Цинжан не поскупился на ингредиенты: суп получился наваристым и ароматным. Хэ Чэншуан и Цзян Жоюй к тому же пригубили вина.

— Рэгдолл? — удивлённо спросил Цзян Жоюй. — Какое странное название. Что оно значит?

Хуа Ханьчжан снисходительно усмехнулся:

— Сразу видно, что ты в этом ничего не смыслишь. Буквально это значит «тряпичная кукла». Взгляни на Цзунъюя: шерсть белоснежная, пышная, невероятно мягкая. Только на мордочке, ушах и кончике хвоста едва заметен лёгкий шоколадный оттенок. А глаза? Чистейшая небесная лазурь. Главное же достоинство этой породы — покладистый, мирный нрав. Они безумно ласковы, готовы хвостиком ходить за хозяином и обладают поразительным болевым порогом, так что легко ладят даже с капризными детьми. Идеальные питомцы. До катастрофы за хорошего котёнка просили больше двадцати тысяч.

Е Цинжан такими тонкостями не владел и лишь покачал головой. Двадцать тысяч — огромные деньги по прежним временам. Обычная семья вряд ли позволила бы себе подобную роскошь. Да и купить полдела, ведь уход за таким неженкой влетал в копеечку.

Пока он размышлял об этом, Хуа Ханьчжан недовольно фыркнул:

— И вот этот угольный дикарь Хэ Жун смеет зариться на нашего Цзунъюя! Да они же совершенно из разных миров!

Е Цинжан едва не поперхнулся супом от смеха:

— Чем тебе так Хэ Жун не угодил? Вообще-то он дикий леопард. Ловкий, невероятно умный, хитрый. Умеет плавать, лазает по деревьям как белка. Среди кошачьих мало кто сравнится с ним по приспособляемости.

Хуа Ханьчжана так и подмывало высказать всё, что он думает о собственнических замахках хищника:

— Почему ты не упоминаешь, что леопарды своенравны, жестоки и крайне злопамятны? И ладно бы он выглядел нормально! У приличных леопардов шкура пятнистая, благородная. А этот? Вроде бы чёрная пантера, но откуда-то взялись эти нелепые грязно-жёлтые отметины по всему телу. Ну ни капли не подходит нашему утончённому красавцу!

Глядя на разворчавшегося Хуа Ханьчжана, который сейчас совсем не походил на привычного надменного молодого господина, Е Цинжан тепло улыбнулся.

«Каким бы жестоким ни стал этот мир, пока у тебя есть верные друзья, одиночество тебе не грозит»

После сытного ужина, когда ночь окончательно накрыла лес глухой пеленой, путники разбрелись по палаткам. В каждой устроилось по двое. Два часа пролетели в безмолвной медитации. Е Цинжан закончил поглощать духовную энергию из очередного нефритового осколка. Камень в его ладони осыпался безжизненной серой пылью. Смахнув её, юноша погрузился в свои мысли, безучастно глядя перед собой.

Хэ Чэншуану не понравилось это внезапное отчуждение. Он бесцеремонно притянул Е Цинжана к себе, обхватил за шею и впился в его губы требовательным поцелуем. Сначала это было лишь наказанием за невнимательность, но вскоре страсть вспыхнула по-настоящему. Сильная ладонь, покоившаяся на затылке юноши, медленно скользнула вниз. Хэ Чэншуан коварно ущипнул его за чувствительное место на шее, пресекая любые попытки отстраниться, а свободную руку запустил под подол домашней рубахи.

Оба давно и успешно развивали свои духовные каналы. Молодые, полные сил, они не боялись холода, поэтому Е Цинжан остался в одной тонкой хлопковой нательной рубахе, заблаговременно скинув тяжёлый свитер. Это лишь облегчило задачу Хэ Чэншуану. Рубаха задралась, обнажая тело, и мужчина принялся ласкать чувствительную кожу на груди мозолистыми пальцами... Воздух в палатке стремительно нагревался.

Помня о том, что в соседней палатке спят Хуа Ханьчжан и Цзян Жоюй, Е Цинжан отчаянно пытался сдержать рвущиеся наружу стоны, но неодолимая лавина возбуждения уже утянула его на самое дно. Хэ Чэншуан тоже понимал, что лесная глушь — не лучшее место для полноценной близости. Сжав зубы от нетерпения, он просто помог им обоим разрядиться руками.

Е Цинжан уткнулся лицом в плечо мужчины, пытаясь восстановить сбившееся дыхание.

— Думаешь, стоит ли рассказывать Хуа Ханьчжану про нефрит? — негромко спросил над его ухом Хэ Чэншуан.

Е Цинжан вскинул голову:

— Ты заметил?

Хэ Чэншуан ласково перебрал его растрёпанные волосы:

— Дело слишком серьёзное. Неудивительно, что ты сомневаешься.

Е Цинжан озабоченно нахмурился:

— Если Ханьчжан действительно станет нашим другом и соратником, держать его в неведении глупо. Он чертовски талантлив. С чистой энергией нефрита его прогресс ускорится в разы. А если промолчим... даже если позже он научится поглощать ядра зомби или мутировавших тварей, неочищенная сила разрушит его каналы. Для практика это означает навсегда погубить свой фундамент.

— Не забивай голову. Просто научи его, и всё, — Хэ Чэншуан обдал шею юноши горячим дыханием, вызывая лёгкую дрожь.

— Но если вдруг... — Е Цинжан замялся. — Это ведь может повлечь за собой кучу проблем.

Хэ Чэншуан посмотрел теплее, хотя лицо оставалось бесстрастным:

— Мы не должны постоянно оглядываться на чужие поступки. Главное — твёрдо знать, что делаешь ты сам. Только так можно сберечь себя. Наш путь прямой. Пока мы не сворачиваем с него, мы обязательно дойдём до цели.

Эти слова отозвались в душе Е Цинжана мощным эхом. Он ошеломлённо замер, приоткрыв рот. Хэ Чэншуан уже собирался снова поцеловать его, не в силах сопротивляться искушению, когда юноша наконец очнулся и тихонько рассмеялся. В его глазах светилось безграничное обожание и нежность:

— Теперь я понимаю, почему в прошлой жизни ты так быстро поднялся на самую вершину. Все считали тебя безумцем, а ты просто зрил в самый корень. Ты невероятно умен.

Хэ Чэншуан уловил в его словах странную оговорку про «прошлую жизнь», но не успел

расспросить — Е Цинжан мягко добавил:

— Идти с тобой бок о бок — величайшая удача для меня.

Мужчина легонько сжал его подбородок:

— Взаимно.

Пока в одной палатке царила нежная близость, в другой атмосфера была натянута до предела. Пространство внутри оказалось крошечным, а Хуа Ханьчжану и Цзян Жою к тому же выделили всего одно одеяло на двоих. Молодой господин Хуа отродясь не оказывался в такой стяннутой близости с посторонним мужчиной. Он всегда тщательно оберегал личные границы и за всю жизнь ни разу по-настоящему не влюблялся. Возможно, виной тому была его чрезмерная разборчивость, а возможно — вечное подозрение к тем, кто вился вокруг него ради выгоды или положения его семьи. Как бы то ни было, его сердце оставалось закрытым для чувств, а в вопросах любви он был чист, словно чистый лист.

Почувствовав спиной жар чужого мускулистого тела, Ханьчжан оцепенел. Он попытался незаметно отодвинуться на пару сантиметров, но Цзян Жою мгновенно уловил это движение и без лишних церемоний придвинулся вплотную.

— Не прижимайся ко мне так сильно, — не выдержал Ханьчжан.

Цзян Жою искренне удивился:

— Но если не прижиматься, мы замёрзнем.

Посмотрев на невозмутимое лицо здоровяка, Ханьчжан мысленно вздохнул.

«И зачем я спорю с этим упрямым? Он ведь не из тех скользких типов, что увивались за мной раньше, пуская слюни. Ханьчжан, ты сам решил завязать с прошлым и забыть статус изнеженного барчука. Пора учиться искренности. Да и с чего ты взял, будто неотразим? Этот неотёсанный чурбан вообще не думает о подобных глупостях»

Успокоив себя этими мыслями, Ханьчжан наконец расслабился и поудобнее устроился на груди Цзян Жою. Он был заметно ниже спутника, так что голова того оставалась снаружи, а сам Ханьчжан наполовину зарылся лицом в тёплое одеяло. Вокруг разлилось приятное усыпляющее тепло, и атмосфера внезапно показалась удивительно уютной.

Ему вспомнился родной особняк. Огромные, безжизненные комнаты, где всегда веяло могильным холодом. Даже когда он вырос и обставил спальню в самых тёплых, мягких тонах, ощущения домашнего очага так и не появилось. А теперь — глухой лес, кругом хаос и разруха, рядом чужой человек... но именно этот молчаливый великан, дважды спасший его от

неминуемой гибели, дарил ему ни с чем не сравнимое чувство защищённости.

Спустя минуту Ханьчжан почувствовал, как в его ягодицы упёрлось нечто твёрдое и недвусмысленно горячее.

— Цзян Жоюй! — яростно прошипел он сквозь зубы.

Тот шумно вздохнул:

— Ну что опять?

Ханьчжан резко развернулся к нему лицом:

— Что опять?! Ты издеваешься? Прекрасно знаешь, что! Это ещё что за новости?!

Цзян Жоюй озадаченно уставился на него:

— Ты правда не понимаешь? Вроде бы за границей учился, Е Цинжан говорил, у тебя куча дипломов...

Ханьчжан опешил, сиюминутно увязать чужую эрекцию со своим высшим образованием. Цзян Жоюй тем временем со вздохом принялся объяснять:

— Я-то в школах почти не учился, мне Босс Хэ растолковал. Это же простая физиология, совершенно естественная штука. Мой первый раз случился...

— Замолчи, — ледяным тоном оборвал его Ханьчжан. — Я имею в виду, какого чёрта у тебя встал на меня?! Ты ничего не перепутал? Мужчинам положено испытывать такое к нежным, хрупким женщинам, тебе это известно?

— Ерунда, — возразил Цзян Жоюй. — Слишком узко мыслишь. Босс Хэ всегда говорил: неважно, мужчина или женщина, главное — делать это с тем, кто тебе дорог. И со мной это происходит только потому, что ты мне нравишься. При чём тут вообще условности?

От такой обезоруживающей прямоты Хуа Ханьчжан на мгновение лишился дара речи.

— Сколько дней мы знакомы? — уже менее уверенно спросил он. — И ты заявляешь о чувствах? Неужели это серьёзно? Да ты же... ты просто издеваешься надо мной!

Цзян Жоюй нахмурился:

— Теперь я совсем ничего не понимаю. Разве для чувств нужен какой-то срок? Ты замечательный. То, что ты мне приглянулся, — самое естественное дело в мире.

Ханьчжан предательски покраснел. Он привык к двусмысленным намёкам и фальшивой лести, но столь искреннее признание слышал впервые. И всё же терять голову от простых слов он не собирался. Намереваясь заставить Цзян Жоюя «спуститься на землю», он строго спросил:

— Хорошо, ответь тогда: что именно во мне такого прекрасного, что ты успел влюбиться за считанные дни?

Если этот увалень сейчас затянет песню о смазливом личике, богатой семье или напускном лоске, который Ханьчжан привык демонстрировать окружающим, он не пожалеет всего своего красноречия и блестящего образования, чтобы разбить эту глупую иллюзию в пух и прах.

<http://bllate.org/book/19006/2028370>